

Моти Лернер

Перевод **В. Радуцкого**

Трудная любовь

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

Цви: писатель, 40 лет. Родился в ультрарелигиозном иерусалимском квартале Меа Шеарим, отошел от религии в возрасте 19 лет.

Хана: глубоко религиозная женщина 37 лет. Замужем за пожилым раввином, старше ее на 35 лет. Хана – бывшая жена Цви. Она очень привлекательна, даже в одежде, весьма скромной, принятой в ультрарелигиозных кругах.

Хана и Цви родились в Меа Шеарим в ультрарелигиозных семьях выходцев из Литвы. Они поженились двадцать лет тому назад, развелись спустя десять месяцев после свадьбы, когда Цви принял решение, что он не может и не хочет больше соблюдать религиозные предписания.

Декорации:

Первое действие происходит в середине зимы. Гостиная в маленькой квартире Ханы в квартале Меа Шеарим. На полу старый коричневый ковер. В центре – стол, вокруг которого четыре стула. Стол накрыт скатертью, на столе блюдо с яблоками, кувшин с водой, два стакана. У задней стены – книжный шкаф, рядом с которым – черный телефон старого образца. На левой стене открытое окно. Справа входная дверь.

Второе действие происходит в начале весны в гостиной квартиры Цви в Тель-Авиве.

Деление двух действий на картины сделано исключительно с целью обозначить течение пьесы. Промежутки времени между картинами весьма кратки, и их можно подчеркнуть изменением освещения или музыкальной заставкой

Действие первое

Картина первая

Вечер. Зима. Дождь. Квартира Ханы. Когда свет загорается, гостиная все еще пуста. Вдруг слышится резкий, режущий слух звонок в дверь. Из коридора выходит Хана, торопится к двери и открывает ее. Входит Цви. С его пальто стекают капли дождя.

Цви: Здравствуй.

Хана: Здравствуй.

Он снимает пальто. На нем пиджак и галстук. Долгую минуту стоят они друг напротив друга. Оба очень напряжены. Она избегает глядеть на него.

Цви: Это я.

Хана: Да. Я знаю.

Цви: Я опоздал. Я...

Хана: Не страшно. Дай мне свое пальто.

Она хочет взять у него пальто, но он опережает ее и протягивает ей руку для рукопожатия. Она избегает рукопожатия и берет пальто, приглашая его пройти.

Хана: Входи. Садись.

Цви: *(Не садясь)* Я забыл принести с собой кипу.

Хана: Не страшно.

Цви: Вообще-то не забыл. Не нашел. Я уже и не знаю, есть ли у меня кипа...

Хана: Ты и вправду не должен.

Цви: Я хотел принести цветы. Выйдя из такси, я пошел в лавку Вайсфиша, но она уже закрылась. Поэтому я и опоздал. Он по-прежнему ходит после вечерней молитвы на уроки Священного писания?

Хана: Да... Благословение Господу...

Она повесила пальто на вешалку. Теперь они стоят друг против друга по обе стороны стола. Он внимательно разглядывает ее. Она по-прежнему не поднимает глаз.

Цви: *(Смущенно)* Я и вправду сожалею. Не хотел я приходить без цветов. Я зашел в магазин Бухбиндера, чтобы купить кипу. Но Бухбиндер узнал меня и не захотел продать мне...

Хана: Садись.

Цви: *(Колеблясь)* Твоего мужа нет дома?

Хана: Он на кухне...

Цви: На кухне?

Хана: Да...

Цви: Он все еще предает меня анафеме?

Хана: Боже упаси...

Цви: Он вот-вот войдет, а я с непокрытой головой...

Хана: *(Достает кипу из одного из ящичков)* Возьми...

Цви берет кипу, но колеблется, не решаясь надеть ее на голову. Для него кипа таит некую угрозу.

Цви: Ты уверена, что я должен?

Хана: Ты не должен. *(Кладет кипу на тумбочку).* Садись. *(Он не садится).* Выпьешь чаю?

Цви: *(Отказывается)* Спасибо. Проходя мимо ешивы, где я учился в юности, я поплотнее завернулся в пальто. Боялся, что кто-то вдруг окликнет меня. И тут возникла прямо передо мной моя сестра Цилла. Но, по счастью, благодаря пальто, она меня не узнала. Иначе бы мне пришлось пойти с ней – есть у нее дома «кугель». *(Смеется)* Ты выглядишь... Совсем не изменилась.

Хана: Спасибо...

Цви: Я думаю, что кажусь тебе «чужаком» в этой одежде. Без пейсов и бороды. *(Она не отвечает)*. Мне тоже сначала было тяжело привыкнуть к самому себе, к своему отражению в зеркале...

Хана: *(Игнорируя его слова)* Быть может, ты хочешь стакан воды?

Цви: *(Все еще очень взволнован)* Но ты... совсем...будто и не пролетели эти двадцать лет...

Хана: Спасибо. Садись, пожалуйста...

Цви: Сейчас я должен был бы находиться в Париже. Там выходит моя новая книга «Разорванная кипа». Читала? *(Хана молчит)* Когда я получил твое письмо, то тут же уведомил их, что я... Скажи, ты не хотела бы выглядеть так, как я выгляжу?... Бог не поразит тебя молнией...

Хана: Я очень прошу тебя, сядь.

Цви: Посмотри на меня, Хана, ты была моей женой. И это не такой уж ужасный грех.

Хана: *(Теряя терпение)* Сядь! Пожалуйста, сядь!

Цви: Я вижу тебя, и все возвращается. Ничего не поблекло, не выцвело. *(Принюхивается)* Даже запахи...

Хана: *(Слова Цви действуют на нее удручающе)* Пожалуйста, Гершеле...

Цви: *(Подавленно)* Не понимаю, как мы можем вот так... вести серьезный разговор... *(Она молчит. Он смотрит в окно)* Между прочим, тебе безразлично то обстоятельство, что на нас пялят глаза со всех балконов?

Хана: Слава Богу, мне нечего скрывать.

Цви: Они следят за мной с той самой минуты, как я вышел из такси. *(Смотрит в окно)* А вот еще один. Прикидывается, будто он развешивает белье. *(Закрывает окно)* Они меня в покое не оставят до тех пор, пока я не вернусь сюда, чтобы жить здесь...

Хана: *(Чуть ли не срываясь в крик)* Сядь же! Пожалуйста! Сядь!! *(Он садится. Краткая пауза)* Ты, конечно, знаешь, о чем я хотела поговорить с тобой...

Цви: Полагаю, что знаю...

Хана: Муж мой несколько ослаб в последние месяцы. Он уже не так молод. Он просил меня...

Цви: Сделай мне одолжение, Хана... Я не могу с тобой разговаривать, когда ты на меня не смотришь.

Хана: Мой муж просил поговорить с тобой, потому что он...

Цви: *(Перебивает ее)* Он просил тебя поговорить со мной, чтобы избежать этой мерзости – сидеть напротив меня. В его глазах я хуже всякого идолопоклонника. Я не уверен, что ты это знаешь, но когда меня изгнали отсюда, он натравил на меня учеников своей ешивы. Ты не знала? Они преследовали меня, вооружившись палками, до самого центра Иерусалима... *(Пожалел о сказанном)* Извини. Я и вправду не собирался возвращаться к этой истории... *(Но не может с собой справиться)* Три года тому назад его сыновья угрожали мне: если я посмею позвонить тебе по телефону еще хоть один раз – они убьют меня...

Хана: Мне тоже не хочется говорить об этом...

Цви: *(Цинично)* Быть может, он просил тебя поговорить со мной, потому что боится, что неверие заразно?

Хана: Он не боится.

Цви: А ты? *(Она не отвечает)* Он настолько напуган, что даже готов оставить нас здесь одних?

Хана: Нам можно находиться здесь вдвоем, если дверь открыта, а в доме есть и другие люди.

Цви: Интересное новшество. За все годы своего учения в ешиве я не слышал о том, что это дозволено.

Хана: Видимо, ты уже успел забыть... (*Нетерпеливо*) Он плохо себя чувствует. Вот и все. (*Молчание*) Он полагает, что я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы повлиять на тебя.

Цви: (*С ядовитым намеком*) Он не боится, что я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы повлиять на тебя?

Хана: (*Сердится*) Я прошу тебя: прекрати! Я не желаю слышать подобных намеков! Поэтому и не хотела все эти годы разговаривать с тобой. Поэтому и выбрасывала в мусорную корзину все твои письма. И не звони мне больше. И не присылай поздравления к праздникам. И не ищи меня на всяких там свадьбах и прочих семейных торжествах. Не расспрашивай обо мне у всех...

Цви: Так зачем же ты пригласила меня к себе? Быть может, я не должен был приходить? Возможно, стоит мне встать и уйти...

Хана: (*Весьма настойчиво*) Я пригласила тебя, чтобы поговорить о твоём сыне...

Цви: Пожалуйста.

Хана: Два месяца тому назад появился он вдруг на свадьбе Фишеля, сына твоего брата, увидел в коридоре дочку мою Ривочку, стал приставать к ней и с тех пор не прекращает ее беспрерывно беспокоить...

Цви: Я не присутствовал на их встрече, но не думаю, что он действительно «приставал» к ней...

Хана: До той свадьбы он почти не появлялся здесь. Вдруг он каждый вечер стал навещать твоего отца. Вдруг он гуляет по улице именно тогда, когда она возвращается из семинарии...

Цви: (*С улыбкой*) Я поджидал тебя там, у ворот...

Хана: Гершл!

Цви: Цви! Теперь меня зовут не на идише, а на иврите: Цви.

В сердцах Хана открывает окно. Цви уступает.

Хана: (*Гневно*) Я не желаю, чтобы он приближался к ней. Чтобы он подстерегал ее у семинарии. Чтобы провожал ее домой. Чтобы он писал ей. Чтобы звонил по телефону. Я знаю, каким влиянием обладает мой муж и его сыновья в ешивах. Вряд ли стоит, чтобы они намекнули кое-кому, что твой сын ее беспокоит...

Цви: Прошу прощения! Он ее не беспокоит. Он встретил ее случайно, и они влюбились друг в друга...

Хана: Они не поженятся. Ты слышишь? Они НЕ поженятся. Ни один раввин не осмелится сочетать их браком под «хупой»! Если выхода у меня не будет, то я скроюсь вместе с ней. Я уведу ее под землю...

Звонит телефон. Она поднимает трубку и гневно опускает ее с силой. Молчание.

Картина вторая

Теперь Хана сидит, обхватив руками голову. Взгляд ее по-прежнему устремлен в пол. Он достает пачку сигарет из кармана пиджака и, щелкнув зажигалкой, закуривает.

Хана: Я прошу тебя, пожалуйста, не кури здесь.

Цви уступает. Поскольку нигде нет пепельницы, он гасит сигарету в одном из стаканов.

Цви: Что твой муж делает на кухне?

Хана: Он пьет чай.

Цви: Чай?

Хана: Да.

Цви: Он нас слышит?

Хана: Да.

Цви: (*Он ей не верит*) Ему семьдесят два года...

Хана: Он слышит.

Цви: А где же Ривочка?

Хана: Она у моей мамы. Она должна скоро вернуться...

Цви: Она знает, что я здесь?

Хана: *(С новой силой)* Он ей не нужен! Тысячу раз она говорила ему, чтобы он оставил ее в покое.

Цви: Я несколько удивлен, слыша все это. Он говорил мне прямо противоположное...

Хана: *(Перебивает его)* Он – не из наших. Она – не из ваших. Соединить их нельзя. К ней уже посватались несколько женихов. В следующем году ей исполнится девятнадцать. Она закончит семинарию и выйдет замуж.

Цви: Мы-то соединились совсем неплохо, Хана. И если они на нас похожи, то и они тоже...

Хана: *(Перебивает его)* Мы не «соединились». И они тоже не «соединятся». Именно по той же причине.

Цви: Что за причина?

Хана: Ты знаешь.

Цви: Что за причина? *(Она молчит)* Что за причина?

Хана: *(Коледблясь)* У тебя не было достаточно веры.

Цви: У меня не было достаточно веры, потому что из-за тебя я утратил ее...

Хана: Из-за меня?

Цви: Ты не помнишь? На следующий день после свадьбы я уже обнаружил, насколько религиозные обычаи портят любовь. Я, бывало, просыпался каждое утро, видя, как и ты просыпаешься рядом. Самое последнее, что хотелось мне сделать, – совершить обязательный утренний обряд омовения рук...

Хана: Прекрати, Гершл...

Цви: В те дни, когда ты была запретна для меня, я не мог выстоять молитву «Восемнадцать благословений», боясь, что мои соученики в ешиве догадаются, о чем я думаю...

Хана: Не обвиняй меня, Гершл. Ты утратил свою веру задолго до нашей свадьбы. Ты ведь сам рассказал мне, что начал сомневаться еще до того, как тебе исполнилось тринадцать...Когда мама твоя, благословенна ее память, умерла...

Цви: Я начал сомневаться из-за нее, но веру свою утратил из-за тебя. Когда увидел, что ты идешь по ее стопам. Когда увидел, что ты служишь Ему рабски, слепо...

Хана: Я не шла по ее стопам. Я боролась за свою веру...

Цви: Боролась так, что потеряла меня.

Хана: Не я потеряла тебя. Ты отказался от меня ради какой-то «свободы», которую и по сей день я не в силах постичь...

Цви: Я отказался от тебя?! Ведь это ты требовала, чтобы мы развелись. Я же во время всех судебных заседаний отказывался дать тебе развод. Даже тогда, когда твои родители послали против меня хулиганов. И только после того, как мне стало ясно, что ты все знаешь, но молчишь, только тогда я понял, что...
(*Останавливается*) ... Что Его ты предпочла мне. (*Она молчит*)
Я никогда от тебя не отказывался. Даже в те жуткие моменты, когда ты меня обвиняла, что из-за меня... (*Колеблется*)

Хана: Я не хочу говорить об этом...

Цви: (*Настойчиво*) Что из-за меня наш младенец родился мертвым.

Хана: Никогда я тебя не обвиняла...

Цви: Не обвиняла меня?! Когда я пришел к тебе в больницу, ты не согласилась, чтобы я зашел к тебе в палату. «Все из-за тебя, – сказала ты. – Все из-за твоего неверия». Ты бы оставила меня, даже если бы ребенок был жив. Когда я вернулся с кладбища, наша дверь уже была заперта, и твоя мама уже сменила замок...

Хана: Я не обвиняла тебя. Все, что я сказала, – что он умер не случайно. Есть причина и следствие.

Цви: Это все? *(Хана молчит)* Взгляни на меня на секунду, Хана...

Хана: Мой муж слышит тебя, Гершл.

Цви: Это все, что ты сказала?

Хана: Я еще сказала, что надо молиться и просить о милости ...*(Цви молчит)* Сегодня я уже не совсем уверена, что мы точно знаем, где причина, а где – следствие...

Цви: *(С болью)* Значит, твой Бог уже не убивает младенца в утробе его матери только потому, что отец перестал Ему молиться?

Хана: *(С болью)* Мне было только семнадцать...

Цви: Каждый год я навещаю его могилу, Хана. Каждый год. 10-го июля...

Она молчит. Цви сомневается в ее «прощении». Он наливает себе воды во второй стакан. Вдруг он почувствовал себя виноватым из-за того, что погасил сигарету в другом стакане.

Цви: Ты хочешь пить? *(Она отрицательно качает головой, плотнее завязывая платок. Теперь он ясно видит, что голова ее не обрита, она не носит парик, как это принято у замужних женщин ее круга)* Я вижу, что по части волос ты уже выполняешь не все предписания... *(Она смутилась)* У Ривочки такие же волосы, как у тебя? Верно? Эран мне рассказывал.

Хана: Он не видел ее волосы. Она заплетает их в косы.

Цви: Ты тоже распустила косы в моем присутствии до свадьбы. Помнишь? В комнате при зале торжеств, где праздновалось обрезание новорожденного сына твоей сестры. Возможно, за это и наказал нас Господь...

Хана: *(Сердито)* Я тоже навещаю могилу сына каждый год. В четырнадцатый день месяца Тамуз по нашему календарю.

Он потрясен. Об этом он не знал. Он встает, закрывает окно и приближается к ней.

Цви: Если б я знал, то ожидал бы тебя у ворот кладбища. Я бы провожал тебя обратно хоть какую-то часть пути... *(Пытается взять ее за руку).*

Хана: *(Уклоняется от него. Подходит к окну и открывает его)* Я прошу тебя не прикасаться ко мне!!

Цви: Почему ты не рассказала об этом одной из моих сестер или золовок? Так бы мы, по крайней мере, могли разговаривать несколько минут в году...

Хана: Господи всемогущий, Гершл, я ведь законная супруга другого человека!!

Цви: Я знаю. Но я также знаю, что тебе тридцать семь, а ему семьдесят два.

Хана: Он мой муж.

Цви: И он выполняет свои супружеские обязанности?

Хана: *С раздражением)* Это не твое дело!!

Отдаляется от него. Цви возвращается к столу. Усаживается. Спустя секунду берет яблоко с блюда. Играет с ним немного и кладет его назад. Затем он достает сигарету из пачки, подносит ее к губам, но, раздумав, кладет назад в пачку.

Картина третья

Цви и Хана остаются на своих местах. Оба пытаются быть благоразумными.

Хана: Она больше так не может, Гершл. Это кончится несчастьем. Ты, по крайней мере, родился здесь. Он ничего о ней не знает. Ее мир для него чужой совершенно. Законы этого мира ему чужие. Она истово выполняет все заповеди, и трудные, и легкие. Спустя

месяц она ему надоест, потому что они начнут ссориться по поводу исполнения заповедей о чистоте семейной жизни. О скромности в одежде и поведении. О соблюдении правил кошерной пищи и субботнего покоя.

Цви: Ты видела его? Ты знаешь, что он учится в Академии музыки? Он виртуоз-скрипач. Ему отложили начало армейской службы, чтобы он сумел закончить учебу...

Хана: Ривочка не станет слушать никакую музыку, кроме молитвенной.

Цви: Она уже его слушала. Однажды она шла в одиночестве по улице. Он ехал за ней в такси и играл ей через окно.

Хана: Этого не было...

Цви: Он же это не выдумал.

Хана: Жаль мне его, Гершл. Жаль мне его искусство. Она всегда будет усматривать в этом только грех. Он будет ненавидеть ее всю жизнь. Никогда, даже на минуту, не будет в их доме мира и спокойствия.

Цви: Я как раз думаю, что они могут быть счастливы. В последние недели он в приподнятом настроении. И она тоже. Между прочим, его искусство совсем не грех. Я не помню, чтобы нашел в каком-либо месте запрет на сочинение музыки.

Хана: Это не только музыка.

Цви: Запрет – он не закон, а всего лишь обычай.

Хана: Она родилась здесь, она выросла здесь, она и будет жить здесь. Так это принято.

Цви: Но если ты принудишь ее оставить Эрана, она будет ненавидеть тебя всю жизнь.

Хана: Быть может, она будет благодарить меня всю жизнь...

Цви: Правда?..

Хана: Но ведь у вас все возможно. Пусть найдет себе другую девушку...

Цви: Но он любит ее. Именно ее. Только ее.

Хана: Ты готов пожертвовать жизнью своего сына, чтобы отомстить мне...

Цви: Отомстить тебе?! За что?

Хана: За то, что я продолжала верить.

Цви: *(С обидой и гневом)* Верить во что? В кого? *(Она не отвечает)* Я всего лишь предлагаю, чтобы мы дали им шанс. Не более того. Быть может, они удостоятся хоть в малой степени того, чего мы были лишены. Я уважаю твою истовую веру, Хана, но ты упорно хочешь их разлучить из-за обычаев, не имеющих никакой связи со Священным Писанием и заповедями...

Хана: *(После краткого молчания)* Зачем ты меня так мучаешь?

Цви: Я не мучаю тебя. Я говорю, что если они будут счастливы, то, может быть, и мы будем...

Хана: *(Гневно)* Я счастлива!! И я не требовала, чтобы мы развелись!! Ни из-за того, что ты отверг веру, и ни из-за смерти нашего ребеночка. Это ты хотел, чтобы мы убежали отсюда на следующий день после свадьбы. Целый год ты говорил о свободе, и, наконец, ты ее получил...

Цви: Без тебя?!!

Хана: И я не знала, что мои родители наслали на тебя хулиганов. Когда ты видел меня в раввинском суде, то поворачивался ко мне спиной. Потому-то я с тобой и не разговаривала. Ты обвиняешь меня в разводе, потому что никогда ты не был счастлив среди НИХ. Ты всегда был чужим ТАМ. Потому что ОНИ видели в тебе чужака. Потому что всю свою жизнь ты должен был – всю свою жизнь! – бранить и поносить нас в своих книгах, чтобы доказать ИМ, что ты – один из НИХ.

Цви: Ты читала мои книги?

Хана: Ты обвиняешь меня, потому что никогда не было у тебя мужества попросить прощения и вернуться сюда. Несмотря на то, что ты хотел этого. Несмотря на то, что наш ребенок умер. Ты ХОТЕЛ вернуться и верить. Я знаю. Поэтому ты все время пишешь о вере...

Цви: Я писал о сомнении. Не о вере...

Хана: Я уверена, что и по сей день все в твоих снах происходит на этих улицах...

Цви: *(Настойчиво)* К тебе я хотел вернуться. Не на эти улицы...

Хана: *(С горечью)* Ты обвиняешь меня, потому что был слаб. Потому что не было в тебе упорства. Потому что ты всегда искал легкий путь в жизни...

Цви: Не искал я легких путей. Я искал истинный путь. С того дня, как начал я молиться, ни разу не почувствовал я, что кто-то меня слышит. Что я должен был делать? Биться головой об стену? Что я должен был делать после того, как наш ребеночек умер? Что? *(Хана молчит)* Ты и вправду счастлива? Ответь мне. Ты и вправду счастлива?

Хана: Я счастлива, и Ривочка тоже счастлива.

Цви: *(Шепотом)* Я закрою дверь на минутку...*(Встает, идет к кухонной двери)*

Хана: Нет...

Цви: Я не могу разговаривать с тобой, когда он слышит каждое слово.

Хана: Сядь!!!

Цви: Я хочу услышать от тебя правду, Хана.

Хана: Я говорю тебе правду.

Цви: Ты говоришь только то, что хочешь, чтобы он услышал.

Хана: У меня от него нет секретов.

Цви: *(Отступает, но дверь он все же закрыл)* По правде, ты не кажешься мне счастливой...

Хана: Я очень счастлива *(С настойчивостью, которая и выдает ее сомнения)* Никогда у меня не было ни единой минутки раскаяния, сожаления...Никогда...

Цви: *(Секунду вглядывается в нее)* Я хочу выявить, что именно он слышит. *(Идет по направлению к кухне. Хана перекрывает ему дорогу. Он берет ее за руку. Она вырывает свою руку. Он с большой теплотой обращается к ней)* Я не видел тебя двадцать лет, Хана, но я представляю себе, как ты жила. Как моя покойная мать. Двадцать лет на сорока квадратных метрах. Кухня. Туалет. Спальня, которая еще и гостиная. Единственная голая лампочка под потолком. Ставни всегда закрыты. Раз в день она развешивала белье во дворе. Раз в день ходила на базар. Раз в месяц совершала омовение в микве. В Судный день ходила в синагогу. Книг не читала. Не слушала радио. Время от времени делала вид, что произносит Псалмы. Никогда она не верила. Ни в Создателя, ни в его раввинов. Она варила. Убирала. Стирала и молчала. Вершиной ее духовности была фаршированная рыба к субботе. Она не осмеливалась хоть секунду подумать о самой себе. По ночам я слышал, как она ворочается в постели. Ругает моего папу. Своего отца. Соседей. Пол и стены. Бога. Сегодня я совсем не удивляюсь, что она повесилась в ванной. Не было у нее выхода. Не было никакой возможности убежать отсюда...

Хана: Твоя мама была больной женщиной, Гершл...

Цви: Она не была больной. Наоборот. Она-то и была вполне здоровой. Она единственная осмелилась признаться, что жизнь здесь была для нее просто невыносимой. Ты продолжаешь жить этой жизнью да еще предназначаешь такую же жизнь Ривочке...

Хана: Ты ничего не знаешь ни о моей жизни, ни о той, что предназначена Ривочке.

Цви: В той жизни, что ты ей предназначаешь, нет такой любви, что есть у нее и у Эрана.

Хана: Она любит меня и своего отца. Она будет любить Бога, благословен Он, будет любить Его во все дни своей жизни. Она будет любить своего мужа, когда выйдет замуж, с Божьей помощью, и она будет счастлива в своей вере и в своей семье. Твоя мама, благословенна ее память, утратила свою веру, ибо твой отец, да продлятся дни его, не знал, как помочь ей укрепиться в вере, как помочь ей в ...

Цви: (*Перебивает ее*) Ривочка любит Эрана, Хана. Она любит его, как ты любила меня. Такой любви у тебя не было после меня.

Хана: Откуда тебе знать, что у меня было?

Цви: Потому что и у меня не было такой любви после тебя. Я перелетал от женщины к женщине. Ни одна из них тебе и до щиколоток не доходила...

Хана: (*Гневным шепотом*) Хватит! Твои женщины меня не интересуют. Ривочка полюбит своего мужа, и муж будет любить ее. Я прошу, чтобы ты изолировал своего сына от нее. Вот и все...

Цви: А я прошу, чтобы ты сказала мне – была ли ты счастлива?!

Хана: (*Ее гнев нарастает*) Это тебя не касается. С той минуты, как ты ушел отсюда, ты утратил всякое право знать. И если ты надеешься выжать из меня другой ответ, потому что я нуждаюсь в твоей помощи, – ты ошибаешься. Я больше не хочу твоей помощи. Ты не тот человек, за которого я вышла замуж, и даже не тот, с кем я развелась. Не только имя свое ты изменил. Ты стал злым, как тот мир, в котором ты живешь. Как люди в твоих книгах. Я хочу, чтобы ты встал и ушел. Мне больше нечего сказать тебе.

Цви: (*Теперь и он разгневан*) Ты полагаешь, что можешь сказать мне «приходи» – и я приду? Потом ты скажешь «уйди» – и я уйду? Ты не можешь играть мною. Двадцать лет я пытался поговорить с

тобой. Понять, что случилось с нами. Залечить эту рану. Двадцать лет ты меня отвергала. Не для того я проделал весь свой путь сюда, чтобы таскать для тебя каштаны из огня...

Он снимает свой пиджак, вешает его на спинку стула. Достает сигарету из пачки и закуривает ее. Хана, сдерживая гнев, подает ему пепельницу, достав ее из ящика стола. Спустя минуту она, почувствовав запах дыма, подходит к окну и открывает его.

Картина четвертая

Хана возвращается, садится у стола. Цви гасит сигарету. Впервые за все время Хана пристально всматривается в Цви. Внезапно она ощущает всю глубину переполняющего его горя.

Хана: Я сожалею. Я не должна была так взрываться. *(Показывает на яблоки)* Утром купила в лавке у Франкеля. Вспомнила, что ты очень любил его яблоки... *(Цви молчит)* Ты не счастлив, я вижу. Ривочка рассказала мне, что ты со своей женой в последние годы жил не очень счастливо.

Цви: И это закончится через неделю-другую...

Хана: Я надеюсь, что вы это преодолете с Божьей помощью...

Цви: Быть может, с помощью адвокатов. Мне было очень трудно с ней. В последнее время я не мог работать. Вот уже два года я пытаюсь написать что-то вроде биографии своей несчастной матери, но не сумел закончить даже первую главу...

Хана: Ты не должен отчаиваться...

Цви: Я не отчаялся. Каждый день я пишу несколько строк. Как только я получу развод, то вернусь на несколько месяцев к отцу.

Хана: Ты будешь жить здесь?!

Цви: Пока не закончу книгу. Может быть, он все-таки расскажет о ней кое-что, чего я не знаю. Здесь, в этом месте, моя память работает лучше. Из каждого переулочка возникают ароматы ее одежды, ее приправ, ее кушаний. Жена не станет меня преследовать, если я окажусь здесь...

Хана: Твоя жена ни в чем не виновата. Ты родился здесь. Она родилась там. Если наши дети поженятся, они будут страдать, точно как и вы...

Цви: Я женился на ней, потому что она забеременела. После того, что мы с тобой пережили, не было у меня уже сил, чтобы потерять еще одного ребенка... *(С болью)* Я проклинаю тот день, когда позволил тебе остаться здесь. Я должен был вытащить тебя отсюда силой...

Хана молчит. Он смотрит на нее так, словно хочет сказать ей нечто судьбоносное, но вдруг поднимается и быстро выходит из комнаты, так что Хана не успевает его остановить.

Хана: *(Вдогонку)* Гершл!!!

Она остается одна, плачет. Долгая минута. Цви возвращается, смотрит на нее, закрывает окно.

Цви: Его нет дома.

Хана: Он в больнице.

Цви: Он знает, что я здесь?

Хана: Да.

Цви: Я тебе не верю.

Хана: Он знает.

Цви: Что с ним?

Хана: Обследование.

Цви: Я не понимаю. Если голова моя не покрыта кипой, то можно говорить мне неправду? (*Хана молчит*) Ты должна была думать, что он там, чтобы не сказать мне нечто запретное? (*Она молчит*) Зачем ты меня обманула?

Хана: Чтобы ты не произносил того, что запрещено.

Цви: Я? Что же мне запрещено говорить?

Хана: Мы знаем, кто ты. Слыхали мы и о тебе, и обо всех тех женщинах, что в твоих книгах. Я не хотела, чтобы ты говорил со мной так, как ты пишешь...

Цви: Но ведь именно ты вдохновляла меня, когда я описывал многих из тех женщин...

Хана: Я?!

Цви: А разве я знал здесь какую-нибудь другую молодую женщину? Только тебя. Ты – и Лея в моей книге «Девственницы», и Фрума в «Трепете и любви». Ты и Браха в «Непригодных филактериях»...

Хана: Этого не может быть...

Цви: Я следил за тобой с тех пор, как ты была совсем юной, Хана. Я видел, как ты выросла. Заглядывала украдкой и за пределы того мира, в котором жила. Я видел, как ты влюблялась. Я видел тебя, когда обуревали тебя инстинкты...

Хана: (*Обрывает его с гневом*) Господь Вседержитель!! (*Приходит в себя*) Я сказала тебе, что мой муж в соседней комнате, чтобы ты не произносил подобные речи. Чтобы ты не пытался мне намекать... Чтобы ты...

Цви: (*Словно завладел богатой добычей*) Так вот, как ты представляла себе то, что может произойти?!

Хана: И это случилось.

Цви: Быть может, ты и хотела, чтобы именно так все случилось?

Хана: Ты с ума сошел?!!

Цви: (*Очень взволнован*) Зачем же ты пригласила меня именно тогда, когда муж твой в больнице, а Ривочка у твоей мамы? Почему? Не бойся правды, Хана. Ты ведь знала, что я развожусь со своей женой. Почему же ты просила, чтобы мы встретились наедине?

Хана: (*Сердито*) Я пригласила тебя, чтобы спасти Ривочку. Я не могла больше ждать. Ради этого я готова была даже встретиться с тобой наедине...

Цви: Я не говорю, что ты уготовила мне западню, Хана. Я говорю, что и ты все еще не избавилась от нашей любви.

Хана: Хватит...

Цви: Пожалуйста, Хана. Все эти признаки не случайны...

Хана: Довольно... Пожалуйста...

Цви: Ты увливаешь, делая вид, что не замечаешь этих признаков лишь потому, что не готова признаться себе в том, что все еще хочешь меня...

Хана: (*Сорвавшись в крик*) Хватит!!!

Молчание. Хана наливает воду в стакан Цви, бормоча требуемое обычаем благословение: «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, по слову Которого все вызвано к бытию». Она выпивает стакан до дна. Произносит завершающее благословение: «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, Творец существ многочисленных с их нуждами. За все, что Он сотворил, дабы поддерживать этим жизнь всего живого, благословен Он во веки вечные». Затем она поворачивается к нему спиной. Молчание. Цви берет кипу, лежащую на тумбочке, держит ее в руках, затем покрывает ею голову.

Картина пятая

Вдруг звонит телефон. Цви в панике срывает с головы кипу и смотрит на Хану. Она не отвечает. Цви колеблется, спустя долгую минуту он направляется к телефону, чтобы поднять трубку. Хана протягивает руку и опережает его. Но она опоздала. Хана бросает трубку и обращается к Цви.

Хана: Я очень сожалею, что пригласила тебя. Еще больше я сожалею о том, как ты истолковал мое приглашение. Не было у меня, не приведи Господь, никаких неприличных помыслов... *(Молчание. Хана опускает взгляд).*

Цви: А я рад, что ты пригласила меня. *(Молчание)* Уже двадцать лет я хочу сказать тебе это. *(Ему трудно говорить)* Год, что мы были мужем и женой, был самым прекрасным годом в моей жизни. Несмотря на несчастье. Несмотря на споры и разногласия. Ты, чье образование свелось к набору пустых словес, которым учат девушек в семинарии «Дом Яакова», ты борешься с неверием так, словно поднаторевший в Святом Учении мудрец дискутирует со Спинозой...

Хана: Спасибо тебе большое *(Произносит это с насмешкой).*

Цви: В конце концов, ты решила остаться здесь. Но я никогда не верил, что это твое решение нельзя изменить.

Хана: Ты ошибаешься, Гершл

Цви: *(С некоторым колебанием)* Нет, не думаю, что я ошибаюсь. Я могу представить себе, как прожила ты двадцать лет с мужем, которого тебе навязали... Я знаю, что если бы я вернулся к религии, тебе было бы, возможно, легче... И, тем не менее, я все же прошу – давай попробуем... Ведь муж твой не будет жить вечно... Быть может, мы все-таки сможем найти пути, чтобы возобновить наши отношения...

Хана заливается смехом. Цви обиделся и замолчал.

Хана: Ты ничего не знаешь о моей жизни...

Цви: Чего же я не знаю?

Хана: Я расскажу тебе при условии, что после этого ты уйдешь. Уйдешь и не вернешься. *(Он кивает головой в знак согласия. Она колеблется)* Мой муж знает, почему мы развелись. Он также знает, как я тебя любила. Он вполне представляет, что и меня одолевали сомнения. Но он не боялся. Ни сомнений, ни любви. Напротив. Он помог мне жить с этими сомнениями. Борьба с ними. По ночам, когда он возвращался из ешивы, мы садились и учились вместе. Читали все великие книги нашего Учения. Талмуд, Мишну. Великих раввинов. Мы, бывало, спорили до рассвета. Пока Ривочка не просыпалась...

Цви: *(Потрясен)* Он учил тебя?! Он даже с тобой полемизировал?!

Хана: Моя жизнь очень сильно отличается от той, которой жила твоя мать. Когда Ривочка уходила в школу, муж мой, случалось, оставался со мной и по утрам. Мы запирали дверь, прикрывали ставни и учились. Книги великого раввина и философа Рамбама, кодекс религиозных законов Иосефа бен Эфраима Каро «Шульхан арух», созданный в шестнадцатом веке, даже философские труды Спинозы. Мой муж знает, что тот, кто хочет укрепить свою веру, обязан, пережив и отрицание, и неверие, и ересь, – преодолеть их...

Цви: *(Все еще потрясен)* Спиноза? Он осмелился внести в этот дом книги Спинозы?!

Хана: Он осмелился намного больше тех, кто высокими словесами разглагольствовал о смелости...

Цви: Я тебе не верю. Со мной ты бы учила Спинозу, а не с ним...

Хана: А теперь – уходи, даже если ты и не веришь. Твое пальто...

Цви: *(Не берет пальто)* И в то время, когда ты училась с ним, угасла твоя огромная любовь ко мне? Но ведь у тех, кто предается учению, разгорается страсть...

Хана: Я сожалею, что так заканчивается наша встреча. Не думаю, чтобы мы встретились вновь.

Цви: *(Настойчиво)* А сомнения? Как развеялись сомнения, Хана? Тот, кто предается учению, переживает и углубление своих сомнений. Взгляд его пытлив, исполнен любознательности. Где же твоя любознательность? Она остановилась на краю этой улицы?

Хана: Ты обещал уйти, Гершл...

Цви: А мои книги ты не пыталась читать? Никогда не пыталась узнать, что я сделал? О чем я думал? Где я очутился?

Хана: Я прошу тебя уйти.

Цви: Я очень надеялся, что ты их прочитаешь.

Хана: Я прошу, чтобы ты исполнил свое обещание *(Указывает ему на дверь)*.

Цви: *(Тем не менее остается)* Я написал о нас, Хана. О нашем детстве. О нашем возмужании. О нашей любви. В книге «Дорогая душа» я написал и о нашем несчастье. Я надеялся, что каким-то чудодейственным образом мы поговорим посредством этой книги. И ты, наконец-то, прекратишь обвинять меня...

Хана: Нам не о чем разговаривать.

Цви: *(Нащупал ниточку)* Так откуда же ты знаешь, что я писал о беспутных женщинах? Кто тебе рассказал? Твой муж? Он читал мои книги? Кто, кроме него, осмелился говорить с тобой о светских книгах?

Хана: *(Резко)* Я их не читала. Пожалуйста, Гершл! *(Вновь указывает ему на дверь)*.

Цви: Так откуда ты знаешь, что в них написано? Откуда?

Хана: Есть у нас люди, чья обязанность – читать ваши книги и предупреждать о таящихся в них опасностях.

Цви: И ты принимаешь их мнение как слова Бога живого?

Хана: Уходи же, наконец!!

Цви: У тебя нет собственного мнения?

Хана: *(Гневно)* Можно ощутить дурной запах грязи, и не вывалявшись в ней. Все, что есть в твоих книгах, – вздор и суета. Просто собрание извращающих смысл воспоминаний детства. Рассказы базарных торговки. Ничего правдивого и настоящего. Ничегошеньки... Если бы была в них подлинная ересь, то мы читали бы твои книги, спорили с ними, но в них-то нет ничего... *(С нарастающим гневом)* Только полностью потерянный человек может писать так. Человек заблудший, у которого нет ничего святого. Абсолютно ничего. Ни Отца небесного, ни верующих в Него на земле. *(Взрывается)* Только лишь слабый человек. Бесхарактерный. Пасующий перед любой трудностью, избегающий любых обязательств, любой ответственности. Который всю жизнь только то и делает, что убегает. Убегает от Бога – Владыки мира. Убегает от самого себя. Убегает от людей. Только убегает!! Всегда убегает!! Убегает!!

Она замолкает. Цви потрясен этим взрывом. Обида его до того жгуча, что он даже и не пытается понять ее. Молчание длится долго. Цви направляется к телефону, набирает номер.

Цви: С твоего позволения, я закажу такси. *(Поднимает трубку, еще раз набирает номер. Слышит сигнал «занято». Вновь набирает номер. «Занято». Вновь набирает, и снова занято. Он с силой кладет трубку)* Никогда я не убегал. Ни из тех мест, где хотел я быть, ни от людей, с которыми хотел я жить. И уж наверняка не от самого себя. *(Набирает номер и вновь с силой кладет трубку)* И я не верю ни одному твоему слову! Ты читала все мои книги! До самой-самой последней! Читала и оплакивала свою жизнь!!! *(Набирает номер и вновь бросает трубку)* Не убегал! Сбежал! И заплатил тяжелую цену за этот побег. Сиротством. Одиночеством. Без отца. Без раввина-наставника.

Без Бога. Без тебя. Долгие годы. Держался я подальше от синагог, чтобы не соблазниться, не зайти, не заглянуть в Талмуд. Я не открывал любимые книги великого Рамбама. Не произносил ни единого слова молитвы, чтобы не услышать вдруг, что Некто мне отвечает. И, несмотря на все это, ни на секунду не пожалел о своем выборе. Нет там Того, кто ответит... *(Набирает номер. Остонавливается. Швыряет трубку)* Я уж найду такси прямо на улице...

Он берет свое пальто, выходит, оставив дверь открытой. Она охвачена сомнениями. Теперь она сожалеет, что прогнала его. Она открывает окно, дожидается, когда он пройдет мимо по улице. Вдруг он возвращается и входит в дверь. Она не слышала, как он вошел. Он стоит и вглядывается в нее. Спустя минуту она замечает его, закрывает окно.

Цви: Я не сбежал. Я спас свою жизнь. Ты же свою растратила впустую. Только из страха перед твоим безумным Богом ты капитулировала перед этой шайкой фанатиков, отказалась от всех своих мечтаний, Ты, которая могла изучать абсолютно все на свете, осталась маленькой женщиной, с узким кругозором, подавленной, перепуганной, предающейся учению по ночам, за закрытыми ставнями. Я не слепой. С тех пор, как я ушел, ты не любила никого, и никто не любил тебя. Даже в этом ужасном платье можно разглядеть твоё тело. Я вижу, как изголодалась ты по любви...

Хана: Я прошу тебя: прекрати!

Цви: Каждая ночь была для тебя кошмаром. Как безумная, металась ты по этой убогой клетке. Совсем, как моя мама. Я не верю, что тебе достаточно было книг...

Хана: Мне этого было предостаточно.

Цви: Когда ты вышла замуж, то муж твой уже был старым и больным. Я видел в его комнате больничную кровать и кислородный

баллон. Двадцать лет источает он запах смерти. Тебе еще нет и тридцати семи. Я воображаю, как, бывало, ты сидела здесь по ночам, в одиночестве, слыша его надсадный кашель из соседней комнаты, его стоны, харканье – и ты проклинала его. И его, и Бога...

Хана: Я просила тебя прекратить!

Цви: *(Не унимается)* И я скажу тебе еще кое-что. От имени всех этих лет, когда тебя использовали и унижали, – но ты ждала меня. Ты тосковала по мне. Ты желала меня. Думала, что если обвинишь меня в смерти нашего ребенка, то сможешь ненавидеть меня. Но все, что тебе удалось, – это причинить мне боль. Этот умерший ребенок продолжал нас связывать. По ночам ты пряталась в туалете и читала мои книги. В каждой строчке ты отыскивала признаки нашей любви. Твоя страсть никогда не угасала. Даже сейчас ты страстно тянешься ко мне...

Хана: Неправда!!

Цви: Даже еще в большей степени, чем это было двадцать лет тому назад...

Она поднимает руку и отвешивает ему пощечину, но сразу же за этим она обнимает и целует его. Поцелуй длится долго. Он снимает свое пальто. Они падают на ковер. Телефон звонит вновь. Они не реагируют на звонок. Телефон звонит. Пять звонков – и телефон замолкает.

Картина шестая

Теперь они уже «после этого». Они сидят по обе стороны стола. Оба потрясены и напуганы. Цви закуривает, но тут же гасит сигарету.

Цви: *(Не очень уверенно)* Мне кажется, тебе будет легче, если я уйду... Мы оба должны подумать... *(Она молчит)* Ривочка, уж

точно, вот-вот вернется домой... *(Она молчит)* Я приду утром, мы поговорим. Я думаю, что... Я прошу тебя, чтобы ты ждала меня... *(Он берет свое пальто, собираясь выйти)*.

Хана: Погоди. Не уходи... *(Он колеблется)* Ты не можешь уйти сейчас... *(Он остался, стоит)* Двадцать лет я ждала тебя и не знала, что жду... Не знала, чего я жду... *(Молчание)* Если бы я, по крайней мере, ждала смерти моего мужа. По-видимому, я и вправду сошла с ума. Все, чему меня учили, все, чему я сама научилась – все это лишь видимость. Лучше бы мне умереть... *(У нее перехватило дыхание. Вдруг ей показалось, что он хочет уйти)* Нет. Не уходи...

Цви: Я не уйду...

Хана: Как же я буду, если ты уйдешь...

Цви: Я не уйду... *(Молчание)* Ты не должна ждать, пока твой муж уйдет из жизни, Хана. *(Не совсем уверенно)* Я не отказываюсь от того, что предлагал тебе... Если ты готова...

Хана: *(Перебивает его)* Я хочу жить с тобой. Я хочу и готова. Но как? Я буду неверной женой? Есть Всевышний на небесах...

Цви: Ты можешь попросить развод...

Хана: Но после того как мы с тобой развелись, я вышла замуж, и по нашим законам я не смогу выйти за тебя никогда. Даже, если я и получу развод. Даже, если я, не приведи Господь, овдовею...

Цви: Тогда мы будем вместе, не состоя в браке. Это не такой уж страшный грех...

Хана: Это все же грех...

Цви: Наш союз, Хана, никогда не распадался. Оба мы знаем, что несмотря на развод, мы не развелись. Мы не можем больше убегать от самих себя...

Она задумывается. На минуту подобное решение показалось ей вполне приемлемым. Она готова его

взвесить. Однако мысль о том, что ей придется просить развод, угнетает ее.

Хана: Я прожила с ним двадцать лет. Что я ему скажу? Как я взгляну ему в глаза и все объясню? *(С болью)* Он никогда не простит мне. Никто мне не простит...

Цви: Если ты остаешься здесь, чтобы получить прощение, то это равносильно самоубийству...

Хана: У меня есть правда. Есть у меня вера. Не могу я выбросить свою прожитую здесь жизнь, словно это – обветшалое платье...

Цви: Тель-Авив, где мы будем жить, отнюдь не проклятая земля изгнания, Хана. Жизнь там, быть может, не столь уж возвышенна, но вполне человечна... *(Она молчит)* Я люблю тебя, Ханеле. И ты любишь меня. Мы могли быть такими счастливыми все эти последние годы...

Хана: Ханеле... Я уже и забыла, что когда-то я была Ханеле... *(У нее ком в горле)*

Цви держит ее за руку. Вновь обнимает ее. На сей раз она отвечает ему. Объятие становится продолжительным. Оба они осознают смысл и значение происходящего. Спустя минуту она приходит в себя и отрывается от него.

Хана: Боже праведный! Человек, содержавший меня двадцать лет, учивший меня, любивший меня без всяких условий, вырастивший со мной дочь, лежит сейчас в больнице, с трудом дышит, а я приду к нему и попрошу развод?! Как я могу даже представить себе такое? А если он не подпишет мне письмо о разводе сразу же, то я приду к тебе без развода? Ведь существуют же законы, преступление которых смерти подобно. Ведь есть у нас вещи, о которых сказано: «Погибни, но не преступи». И в любом случае я буду пребывать во грехе всю свою жизнь... Если ты меня любишь – ты должен помочь мне. Ты должен дать мне силы, силы ждать, пока я смогу выйти за тебя замуж, не нарушив наши

древние законы. Поддержать и укрепить меня, чтобы смогла я искупить все, что сотворила. Пока не удостоюсь я прощения... (С болью) Я не могу вести себя так, как те люди, о которых ты пишешь, Гершл. Да. Я читала твои книги. Все до одной. Не могу я бросить на произвол судьбы человека с больным сердцем...

Цви: (*Настойчиво*) Я не требую от тебя бросить на произвол судьбы больного. Ты можешь продолжать ухаживать за ним. Но если будешь по-прежнему оставаться его женой, то согрешишь перед самой собой. Изменишь самой себе...

Хана: У нас грех определяется законами небесными, Гершл. Не удобствами людскими...

Цви: Ты станешь и дальше жить здесь, даже если законы небесные запретят нам быть вместе? (*Молчание*) Мы больше не расстанемся, Хана. Это наша последняя возможность. На сей раз я от тебя не откажусь...

Теперь ей становится ясной другая возможность их совместной жизни.

Хана: Что случится, если ты останешься жить в нашем квартале? Так, по меньшей мере, мы сможем и дальше видеться. Мужу моему не суждена долгая жизнь. А потом нам будет легче. Быть может, мы все-таки найдем возможность... Быть может, мы все-таки сумеем получить разрешение на брак. Я уверена, что судьи в нашем раввинском суде помогут нам. А пока же попытаемся искупить то, что мы содеяли. Ведь оба мы согрешили...

Цви: Жить здесь?!

Хана: Почему бы и нет? Ведь, по сути, ты никогда от нас не отрывался. Ты писал о нас. Тосковал. Ты все еще можешь вернуться к вере. Раскаяться. Вся твоя семья здесь. Все примут тебя с любовью...

Цви: Я?! Я раскаюсь?! Я, который бежал от Бога всю свою жизнь?! А Он во все дни моей жизни преследует меня?! Да так, что каждую

ночь я просыпаюсь в панике от того, что небеса рушатся надо мной, и я падаю ниц и умоляю Его о прощении?!!

Хана: Двадцать лет ты любил меня, Гершл. Ты ведь сам сказал, что наш союз не отменен, не уничтожен. Здесь мы сможем жить вместе. Здесь мы сможем исправить...

Цви: Об этом и речи не может быть, Хана. Я здесь не останусь. Это – смертный приговор для меня. Не дождется Он этой минуты. *(Весьма настойчиво)* Мы покидаем это место немедленно, Хана. Не задержимся здесь ни на секунду. В каждом углу расставлена здесь ловушка. Эту ночь мы проведем в гостинице. Завтра снимем квартиру...

Хана: погоди секунду, Гершл...

Цви: Я больше ждать не стану. Я не положу добровольно свою голову на плаху. И ты тоже не клади свою. Когда маме моей открылось, что впустую растратила она свою жизнь, было слишком поздно. Она уже не могла убежать отсюда...

Хана: И я не могу убежать, Цви...

Цви: Конечно же, ты можешь. Мы будем жить в Тель-Авиве. Мы родим еще ребенка. Назовем его Давид, как хотели назвать нашего малыша...

Хана: Я говорю тебе, что не могу пойти с тобой...

Цви: *(Твердит свое)* Мы будем воспитывать его вместе. Вместе будем учить его, как следует жить. Быть может, мы и писать будем вместе. Если захочешь, будешь учиться в университете. Почему бы и нет? И будем спорить дни и ночи напролет. И дома, и на улице, и в кафе. Ребеночек будет рядом с нами в коляске, когда усядемся мы в кафе, мордочка его перепачкана мороженым. Будем шагать с ним вдоль набережной. Возьмем его на море. Ты наденешь купальник. Окунешься в море. Пошли. Упакуй чемодан...

Пытается проводить ее в спальню, где находятся чемоданы. Она гневно вырывается

Хана: Такую-то жизнь ты для меня уготовил? Такую убогую жизнь?

Цви: Она не такая уж убогая, Хана...

Хана: Я не уверена, что хочу такую...

Цви: Теперь у тебя уже нет выбора...

Хана: Что это значит: "Нет у меня выбора"?

Цви: Как же ты будешь жить здесь теперь? Открой свои глаза. Кто тебя простит? Кто простит меня? Как же ты станешь жить здесь без прощения? Ведь они тебя здесь забудут до смерти...

Хана: (*Потрясена*) Ты знал. Ты это знал. Потому и соблазнил меня...

Цви: Я соблазнил тебя?!

Хана: Да. Чтобы у меня не было выбора. Ты соблазнил меня, тщательно все обдумав. Чтобы я вынуждена была бежать отсюда. Чтобы я должна была спрятаться у тебя. Поэтому ты и пришел сюда...

Цви: (*С отчаянием в голосе*) Я пришел сюда, что спасти тебя...

Хана: Прелюбодеянием? Ведь в один миг утратила я долю свою и в этом мире, и в мире грядущем... (*Гневно*) Ты не пришел, чтобы спасти. Ты пришел, чтобы отомстить. Разрушить мою жизнь. Пришел, чтобы отдалить меня от дочери. Отдалить меня от мужа. Отдалить меня от Владыки мира. Больше я не желаю слышать ни слова! Ни единого слова! Уходи! Пока не разверзлась земля и не поглотила нас обоих!! Уходи!!

Он колеблется секунду, затем торопливо выходит. Хана запирает за ним дверь и раздражается рыданиями. Спустя какое-то время она замечает, что пальто Цви осталось висеть на вешалке. Она берет пальто. Вдруг снова зазвонил телефон. Она колеблется, кладет пальто и берет трубку.

Хана: Алло... Да. Я слушаю... Что случилось?... Но если вы просите, чтобы я немедленно прибыла в больницу, значит, что-то случилось... Вы можете сказать мне правду. Что случилось?

Она выслушивает печальное известие, качает головой в ответ на слова утешения. Медленно гаснет свет.

Конец первого действия

Действие второе

Картина седьмая

Второе действие происходит спустя примерно два с половиной месяца после первого. Светлый весенний день. Гостиная в тель-авивской квартире на втором этаже. Это – новая квартира Цви, в которой он живет после того, как расстался с женой. В комнате – светлый ковер, шторы, кресло, диван, книжные полки, тумбочка, картины на стенах, телевизор и прочее... Окно выходит на море. В комнате царит беспорядок, чемоданы и картонные коробки стоят в углу. Книги и одежда лежат прямо на полу. Когда зажигается свет, в комнате нет никого. Слышится мелодичный звонок у входной двери. Ответа нет. Спустя минуту дверь открывается. Входит Хана. Она – в одежде религиозных женщин из иерусалимского квартала Меа-Шеарим. Но и на сей раз платье ей идет. Голова ее повязана косынкой, в ушах – серьги, которых не было в прошлый раз. Она выглядит так, словно излучает свет, – в отличие от первого действия. Через ее руку переброшено пальто Цви, которое осталось в ее квартире. Она разглядывает комнату, пристально изучает его мир. Вдруг появляется Цви, одет он буднично, на нем легкий пиджак, выходит он из коридора. Он замечает Хану, потрясен. Оба они стоят, разглядывая друг друга. Он явно не ожидал ее визита.

Хана: Ты забыл свое пальто... *(Протягивает ему пальто).*

Цви: Спасибо. Могла оставить у моего отца... *(Берет пальто, кладет на один из стульев).*

Хана: (*Смущенно*) Я думала, что оно еще пригодится зимой. Но весна в этом году очень ранняя. Как поживаешь?

Цви: Хорошо. Спасибо. А ты?

Хана: Спасибо, слава Богу. Красиво здесь.

Цви: Надеюсь, ты без труда нашла улицу.

Хана: Я приехала на такси.

Цви: Ты уже бывала в Тель-Авиве?

Хана: Я несколько раз ездила в соседний Бней-Брак, в те кварталы, где живут наши родственники. Разницу между городами я хорошо заметила (*Выглядывает в окно*).

Цви: Это море.

Хана: Так я себе и представляла. Можно сесть?

Цви: Пожалуйста (*Рукой протирает стул*). Это шерсть моей кошки. Надеюсь, у тебя нет аллергии...

Хана: Нет...

Цви: Она иногда сидит здесь. Хочешь попить? Вода? Чай? Кофе? У меня есть одноразовая посуда, так что законов кашрута ты не нарушишь...

Хана: (*Отрицательно качает головой*) Спасибо.

Цви: Мне жаль, что здесь такой беспорядок (*Указывает рукой*). Я всего лишь неделю тому назад поселился здесь...

Хана: (*С колебанием*) Она дома?

Цви: Моя кошка?

Хана: Девушка, с которой ты живешь...

Цви: Дана? Нет, нет. Она на работе.

Хана: (*С удивлением*) Дана? Как Дан, глава одного из колен израилевых?

Цви: В наших кругах Дана – довольно распространенное имя.

Хана: Она моложе тебя ровно настолько, насколько я была моложе своего мужа, благословенна его память.

Цви: Это тебе сообщил Эран, мой сын? Он ошибается. Ей двадцать три года. У нее неплохой литературный вкус. Она даже любит мои книги. Я не чувствую, что ее юный возраст является препятствием... *(Хана молчит)* Кстати, я должен принести тебе свои извинения по поводу похорон твоего мужа. Я был так занят в последнее время...

Хана: Всем принесла облегчение его смерть. Даже ему самому...

Цви: Я хотел придти в семидневный траур, но именно тут и возникли осложнения с разводом, и...

Хана: *(Пауза. Она колеблется)* Я думаю, что ты не знаешь, почему я пришла к тебе...

Цви: Мне кажется, что я как раз знаю. Слухи долетели и до нас...

Хана: *(Удивлена)* Слухи? Какие слухи? Ни одна живая душа ничего не слыхала...

Цви: *(Перебивает ее, сердится)* Если Эран хочет сказать мне что-либо, он сам может поговорить со мной. Почему он не звонит? Почему не отвечает на звонки? Он объявил мне бойкот?

Хана: Никакого бойкота. Напротив. Он надеется, что я смогу вас примирить.

Цви: Он просил тебя об этом?

Хана: Не об этом я пришла говорить с тобой, Гершл. Я хотела...

Цви: Я не понимаю, к чему эта паника? Свадьба на носу? Ему всего лишь девятнадцать. Они едва знакомы

Хана: Они достаточно знакомы. Они встречаются у меня каждый день уже более двух месяцев.

Цви: Мне ты можешь сказать правду, Хана. Я знаю, что они встречались не только у тебя. Когда она ходила навещать отца в

больнице, то, бывало, они уединялись в комнате нянечек. Свое время они тратили не только на теологические дискуссии.

Хана: (*Поняв намек*) Она не беременна...

Цви: Так что же случилось? Два с половиной месяца тому назад ты, как львица, сражалась за то, чтобы разлучить их. Вы ведь все равно нынче в трауре. Нельзя ли отложить свадьбу на следующий год? Это – просто самоубийство...

Хана: Самоубийство, Гершл?

Цви: Цви.

Хана: (*Уступает*) Ладно. Цви. Давай на время оставим дела наших детей. Я думала, что, возможно...

Цви: (*Упрямо*) Ты используешь его любовь к Ривочке, чтобы расставить ему ловушку. Может быть, ты даже угрожала ему, что если он не станет соблюдать заповеди религии, то никогда больше не увидит ее...

Хана: Я ему не угрожала...

Цви: И, убедившись, что ты не можешь разлучить их, решила приобщить его к вам. Я хорошо знаю ваши методы. Ты пригласила его на беседу. Затем – на урок в ешиву. Затем ты посоветовала ему, чтобы он соблюдал субботу. Чтобы начал по утрам молиться и накладывать филактерии. Чтобы совершал ритуальные омовения в микве при синагоге. За два с половиной месяца ты украла у меня мальчика... (*Роется в карманах, чтобы найти сигареты, но, к своему разочарованию, находит только пустую пачку*)

Хана: Два с половиной месяца тому назад ты хотел украсть у меня дочку.

Цви: (*Ищет в комнате*) Я не соблазнял ее, не уговаривал ее, не ставил ей условия, ничего не вымогал у нее. (*Самому себе*) Черт возьми! Где она прячет мои сигареты?

Хана: Он не считает, что я его шантажировала.

Цви: Он не считает, потому что любовь к Ривочке ослепила его. Потому что кто-то из ваших овладел его мыслями. Со мной проделали то же самое, когда я был ребенком, и по сей день я не сумел освободиться от этого. Совершенно верно. Ты права. И по сей день действие всех моих снов происходит на твоей улице...

Хана: Эран – независимый и самостоятельный парень. Невозможно завладеть его мыслями...

Цви: *(В отчаянии захлопывает последний ящичек, в котором рылся, разыскивая сигареты)* Я не понимаю твоего упрямства. Ведь сваты предложили тебе несколько выгодных партий для твоей дочери. Ее отец возглавлял ешиву. У нее есть приданое. Ты могла бы добыть для нее самого лучшего жениха во всем Иерусалиме. Что ты находишь в моем сыне, в Эране? Он рожден женщиной, которая никогда не исполняла обряд ритуального омовения. Не говорит на языке идиш, только на иврите. Он курит гашиш... Кокаин.... У него на спине есть татуировка, что, как ты знаешь, строго запрещено еврейским законом. Он переспал с половиной девушек из музыкальной академии, где учится. Он парень неустойчивый. И точно так, как он вдруг начал верить, так он может и от всего отказаться. Порядочная семья религиозных евреев не согласилась бы принять его в качестве жениха...

Хана: Эран – замечательный парень, Цви. Он пережил большие перемены. Поэтому есть в нем бунтарство. Это пройдет. Когда он почувствует себя более уверенно, он сможет принять тебя таким, какой ты есть...

Цви: Знаешь ли ты, что он сказал? Вдруг я оказался плохим отцом. Вдруг я – эгоист. Ничто меня не трогает, кроме моих книг. Кстати, пусть не будет у тебя ни малейшей иллюзии, будто бы ему нечто открылось свыше. Он настаивает на своей женитьбе лишь потому, что я осмелился сказать, что все это мне не совсем

нравится. Дайте ему еще год. Если спустя год он все еще будет хотеть этой свадьбы – я противиться не буду...

Хана: Отлично. Я подумаю об этом. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Цви: Что им так приспичило? Я хочу знать, что у них горит?

Хана: Они любят и хотят пожениться...

Цви: С каких это пор любовь – достаточный повод для тебя? Она с ним переспала, а ты требуешь от него, чтобы он женился...

Хана: Этого не было...

Цви: А если все произошло по взаимному согласию, то он вовсе не обязан на ней жениться.

Хана: Она не спала с ним...

Цви: И ты озабочена, что именно теперь, после того, что они сделали, тебе будет трудно подыскать ей другого жениха...

Хана: Она не хочет другого жениха...

Цви: (*Сердито*) Жизнь моего сына – весьма высокая плата за то, что на рынке невест упала цена на твою дочь!

Хана: (*С болью*) Ты и вправду думаешь, что я предлагаю свою дочь на продажу, Цви? Что в моих глазах их любовь не имеет никакой цены?

Цви: Они не поженятся!! (*Снова ищет сигареты*) Ко всем чертям! Она решила, что я должен бросить курить и выбрасывает все мои сигареты... (*Поднимает трубку телефона, набирает номер*) Есть пределы тому, что она может себе позволить. (*По телефону*) Здравствуйте, будьте любезны, Дану... Она у них библиотекарь, кафедра ивритской литературы... Нет, это не ее отец... (*Ждет*)

Хана: Их помолвка – на следующей неделе, Цви...

Он потрясен. Глядит на Хану. Медленно-медленно кладет трубку.

Картина восьмая

Она сидит. Он сидит напротив, огорченный и обозленный. Вдруг он вскакивает, как ужаленный, торопится в коридор, ведущий в спальню. Спустя секунду он возвращается с пачкой сигарет и зажигалкой. Он усаживается, закуривает, затягивается, с облегчением выпускает дым. Почувствовав, что дым мешает Хане, подходит к окну, открывает его.

Хана: *(Колеблясь)* Я сожалею, что мы затеяли эту дискуссию. Не за этим я пришла. Я хотела поговорить с тобой о чем-то совсем другом...

Цви: *(Все о своем)* О чем еще говорить? Мне следовало бы разорвать все свои одежды и погрузиться в семидневный траур. *(Молчание. Он гасит свою сигарету в чашке кофе, стоящей на тумбочке)* Когда он родился, мы называли его Эран. Теперь он называет себя Аарон. И даже не Аарон, а Ареле. У него были длинные вьющиеся волосы. Теперь голова его выбрита, он оставил только длинные пейсы, по одному – справа и слева, и он накручивает их на палец, жует их, словно маленький мальчик... Как и я, бывало, делал в детстве... *(С гневом)* Ареле! Он мигом усвоил себе некий странный язык, смесь библейского иврита, арамейского и идиша... Что я только ни делал, чтобы вырвать его из ваших лап! Я рассказывал ему, как мучился я среди вас. Как отринул я веру. Как был изгнан. Я предложил ему курс бесед с психологом. Предложил ему отправиться в Нью-Йорк, чтобы учиться там. Обязался, что если он уйдет от вас и вернется сюда, я вернусь к его матери... *(С болью)* Зачем, черт возьми, ты заставила его бросить Академию музыки? Ведь музыка была всей его жизнью.

Пусть бы закончил, по крайней мере, учебный год. Ведь плату за учение я за него уже внес...

Хана: Я его не заставляла. Он по-прежнему играет...

Цви: Однажды, примерно месяц тому назад, я случайно встретил его в банке. Он пришел, чтобы закрыть свой счет.. В первую минуту я его даже не узнал... С бритой головой и пейсами по щекам... Он не хотел говорить со мной. Я побежал за ним. Догнал его уже на улице. Едва произнес он первое слово – и словно плотину сорвало. Он сказал все, что ты думаешь обо мне. Я продажен. Я прелюбодей. Я негодяй...

Хана: Если бы я думала так, то не пришла бы к тебе...

Цви: (*Сердась*) Не возводи глаза к небу, Хана. Ты, как мне кажется, вполне довольна. Месть твоя свершилась. Большое спасибо. Я не думаю, что у меня есть еще, что сказать...

Он вновь зажигает сигарету. Долгая пауза.

Хана: Эта перепалка ничего доказать не сможет, Цви. И уж наверняка не вернет она нам те двадцать лет, что мы потеряли... (*Он молчит*) Но у нас впереди еще целая жизнь. (*С нарастающим колебанием*) Я сожалею о тех словах, что сказала тебе, когда ты был у меня. Ты прав. Ты всегда прав... Несмотря на развод, мы никогда не расходились... (*Он молчит*) Когда ты был у меня, я еще не поняла всей глубины сказанного. Только после твоего ухода я осознала... (*Он молчит. Она, набравшись мужества, решает открыть подлинную причину своего визита*) С того дня я не переставала думать об этом. Нет смысла воевать с нашей любовью...

Цви: (*С некоторой насмешкой*) Что ты говоришь...

Хана: Я говорю, что можно исправить то, что мы сами испортили... (*Останавливается*) Вопреки всему, мы можем снова пожениться...

Цви: Мы?!

Хана: Да...

Цви: (*Потрясен*) Мы?!!

Хана: Да. Пока был жив мой муж – это было абсолютно невозможно. Теперь же обстоятельства изменились. После его смерти это стало возможным

Цви: Что стало возможным?

Хана: Чтобы мы поженились.

Цви: (*Гасит сигарету*) Но ведь два с половиной месяца тому назад ты мне говорила, что если мы развелись, а ты вышла замуж за другого, то – по нашему закону – ты навсегда запретна для меня. Даже если разведешься. Даже если муж твой умрет.

Хана: Именно так я и сказала. Но тем временем я провела проверку. Я запретна для первого мужа только в том случае, если мой брак со вторым мужем совершен в полном соответствии с законом и обычаями...

Цви: А если не в полном соответствии?

Хана: Я вышла за него против своей воли. Мои родители заставили меня выйти замуж. Моя мама может это засвидетельствовать. Покойный отец угрожал мне, что если я не соглашусь выйти замуж, он выбросит меня из дома. Я была разведена. После выкидыша. Не было у меня места, куда бы я могла уйти. Любой раввинский суд признает, что брак был заключен против моей воли...

Цви: Ты советовалась с судьей? Ты спросила раввина?

Хана: Да.

Цви: Ты уверена?

Хана: Я хорошо знаю законы и уложения, связанные с семейной жизнью, и просто не понимаю, почему ты настаиваешь на всяких

тонкостях с бóльшим упорством, чем те раввины, у которых я спрашивала.

Цви: *(Встает и закрывает окно)* Ваши законы и уложения меня совершенно не интересуют. Я хочу быть уверенным, что понимаю происходящее. Что это мне не привиделось. Двадцать лет я хотел на тебе жениться, и двадцать лет это было совершенно невозможным. А теперь вдруг это стало возможным? Я хочу понять, каким образом? Почему? Религиозный закон поставлен с ног на голову? Два с половиной месяца тому назад ты меня со всех лестниц спустила. Что изменилось? Я не понимаю. Ты хочешь выйти за меня замуж?

Хана: Да...

Цви: После всего, что ты обо мне сказала? Я и вправду ничего не понимаю, Хана. Тогда это было верно, а теперь неверно? И если ты по-настоящему этого хочешь, то почему ты позволила мне мучиться эти два с половиной месяца?

Хана: У нас был траур. Потом мне потребовалось время, чтобы прийти в себя. Я должна была проверить. А это было совсем непросто. И раввинам понадобилось какое-то время. Я не могла их торопить. Ведь вдова может подумать о том, чтобы снова выйти замуж, лишь спустя три месяца после смерти мужа...

Цви: Но раввины уже позволили тебе выйти за меня замуж?

Хана: Когда я рассказала им, что муж мой был болен долгие годы и не мог исполнять свои супружеские обязанности, раввины приняли решение, что запрет силы не имеет, и поэтому я могу...

Цви: Они позволили тебе или не позволили?

Хана: Если ты согласишься – они позволили...

Цви потрясен и растерян. Он все еще не может поверить. Он колеблется какую-то минуту. Но в следующую минуту она обнимает его.

Хана: Я люблю тебя, Цви...

Они целуются. Вдруг звонит телефон. Они не обращают внимания на звонок. Через три звонка слышится мягкий женский голос, записываемый на автоответчик: «Где ты?... Ну, ответь же... Не оставляй меня просто так...» Цви торопливо прерывает этот монолог.

Картина девятая

Цви и Хана сидят рядом. Она берет свою сумочку и достает оттуда кольцо.

Хана: Ты знаешь, что это?

Цви: Кольцо.

Хана: (*Удивлена*) Кольцо? Ты помнишь это кольцо?

Цви: (*Узнает кольцо*) Боже праведный! Это то кольцо, которое я надел тебе в день свадьбы

Хана: (*Отдает ему кольцо*) Если ты хочешь вновь им воспользоваться, я обязана вернуть его тебе...

Цви: (*Растроган*) То самое кольцо...

Хана: Оно всегда было со мной, в сумочке. С того дня, как мы развелись. Иногда я брала его в руки...

Цви прячет кольцо в свой кошелек. Обнимает и целует Хану.

Цви: (*С некоторым колебанием*) Ты уже думала о том, где бы тебе хотелось жить?

Хана: Там, где ты захочешь.

Цви: Даже здесь?!

Хана: И здесь. Почему бы и нет?

Цви: Здесь не соблюдают законов о субботнем покое. Здесь нет поблизости синагоги. Нет и миквы.

Хана: Я устроюсь.

Цви: Мы можем переехать в квартал, где есть и синагога, и миква.

Хана: Если ты готов к этому...

Цви: Я даже готов соблюдать все законы о кошерной пище.

Хана: Только если ты этого хочешь...

Цви: Это не такая уж и большая жертва с моей стороны...

Хана: Между прочим, есть некоторые законоположения, позволяющие омовение в море вместо погружения в ритуальный бассейн. Морская вода – она ведь, по сути, дождевая вода. Наконец-то я куплю себе купальник.

Цви: Можно ли совершать омовения в купальнике?

Хана: (*Улыбаясь*) Когда я буду полностью погружена в воду, я сброшу купальник...

***Цви смеется. Воображаемая картина ему нравится.
Они снова обнимаются.***

Цви: Одну вещь я обязан знать. Когда ты читала мои книги, ты и вправду испытывала омерзение?

Хана: После твоего ухода я снова их перечитала (*Он пристально смотрит на нее*) Я и вправду почувствовала, что ты говоришь со мной посредством этих книг...

Оба смеются.

Хана: Насчет той девушки, с которой ты... Я надеюсь, что вы еще не обручились...

Цви: Конечно, нет...

Хана: Значит, у тебя нет серьезных обязательств по отношению к ней?

Цви: У нас нет обручения. Она в общем-то и не живет здесь. Она приходит и уходит. Она знает, что я всегда хотел вернуться к тебе. По поводу детей...

Хана: Это не в наших руках, Цви. Даже если мы и захотим, то не сможем остановить их...

Цви: Но я должен поговорить с ним прежде. Я хочу понять, каковы их планы. Как они собираются жить...

Хана: Я не уверена, что они захотят, чтобы мы решали за них...

Цви: Быть может, они тоже будут готовы жить здесь...

Хана: Я верю, что Ривочка знает, что хорошо для нее. И Эран тоже...

Цви: Я очень надеюсь, что он знает. Если они захотят жить рядом с нами, я с радостью куплю им квартиру. Рад буду купить им и машину...

Хана: Зачем им машина?

Цви: Эрану не обойтись без автомобиля...

Хана: Если он захочет – купи ему...

Цви: Вот и все? Разобьем тарелку на счастье?

Хана: *(Удивлена)* Ты хочешь разбить тарелку?

Цви: Твоя мама и мой папа в свое время разбили тарелку, когда оговорены были все условия нашей свадьбы. Мои сестры и по сей день разбивают тарелки...

Хана: Твой отец разбил тарелку, потому что мамы твоей уже не было с нами...

Цви: *(Шутливо)* И мамы Эрана тоже нет с нами...

Она колеблется, но соглашается с предложенным компромиссом. Цви берет со стола тарелку, заворачивает ее в бумагу, кладет на пол. Они собираются наступить на нее, но вдруг раздается телефонный звонок.

Картина десятая

Телефон звонит. Цви, взглянув на Хану, поднимает трубку.

Цви: Алло... (Смущен) Да. Здравствуй. Как дела?... Да. Я искал тебя... Ты звонила раньше?!... Не слышал...(С *полной естественностью говорит неправду*) Нет, нет. Ничего не случилось. Я хотел спросить, давала ли ты молоко нашей кошке... Нет. Я в разгаре работы. Я начал новую главу... (Озабоченно) В два часа? До двух я не успею закончить... Минуточку... Потому что я хочу писать в тишине... Ладно. Ладно... Конечно. ты не мешаешь... (Весьма *настойчиво*) Ничего не случилось... Я очень сожалею, но не буду сегодня обедать с тобой... Потому что я работаю! Хорошо. Хорошо... До свиданья... (Резко *кладет трубку, обращается к Хане*) Все в порядке. Она придет только вечером...

Хана: Вечером?

Цви: В шесть...

Хана: Я думала, что она вообще-то не живет здесь...

Цви: В последнее время она проводит здесь довольно много времени. С тех пор, как кошка здесь, то и она остается...(Остонавливаясь, чтобы не произнести «спать здесь»)

Хана: Я понимаю...

Цви: (Оправдываясь) Мне необходима женщина, чтобы она была рядом, Хана. Ты ведь меня знаешь. Я не могу жить без женщины. Я не пишу. Я начинаю пить. Я ссорюсь со всем светом. Она согласилась приходить сюда время от времени, но постепенно...

Молчание. Телефон звонит снова. Цви знает, что он обязан ответить.

Цви: *(По телефону)* Да... *(Раздраженно)* Я говорю тебе, что работаю. Я в середине новой главы. И это все... Минутку, Дана... Одну минуту... Прежде всего, прекрати кричать... Я прошу тебя, прекрати... Нет. Я не кричал... Но ничего не случилось. Значит, на сей раз твоя интуиция тебя обманывает. Хватит, Дана. Пожалуйста...*(Умоляюще)* Прошу тебя... Я тебя обманываю?! Я?! Но поужинаем мы вместе!.. Конечно!... Где захочешь... Хорошо. Я включу бойлер... Нет, нет. Я не сержусь... *(Кладет трубку)*.

Короткая пауза. Цви отключает телефон. Возвращается к Хане, смущен. Хана берет свою косынку, повязывает ею голову.

Цви: *(Как бы извиняясь)* Я обязан вести себя достойно по отношению к ней. Она помогла мне, когда я ушел из дому. Я был один. Она заставила меня сесть за письменный стол и писать...

Хана: Я понимаю...

Цви: Не беспокойся. Я с ней все улажу. Дай мне несколько дней...

Хана: Несколько дней?

Цви: Три. Четыре...

Хана: *(Удивлена)* И ты будешь все это время жить с ней?

Цви: Она уже перевезла сюда часть своих вещей. Ей необходимо найти квартиру.

Хана: Ты не обязан оставаться с ней до тех пор, пока она не уйдет. До свадьбы ты можешь жить у своего отца. Ведь ты все равно собирался жить у него после получения развода, чтобы написать книгу о своей маме. Так ты будешь совсем близко от меня...

Цви: Хана, мы расстались на двадцать лет. Не случится никакого несчастья, если это займет еще несколько дней.

Хана: Она попытается побороться за тебя в эти несколько дней.

Цви: Как?

Хана: Я не знаю, как. У вас ведь нет на этот счет никакого закона, как у нас. У вас ведь все дозволено. Я слышала ваш разговор. Она молода. Она уж наверняка еще и красива. Я даже не хочу и думать о тех испытаниях, которым она тебя подвергнет.

Цви: Я не нуждаюсь в ваших строгих религиозных законах. Нет таких уложений, которые обязали бы меня в большей степени, чем то, что я чувствую по отношению к тебе.

Хана: *(Настаивает)* Я была бы очень рада, если бы ты еще сегодня перебрался жить к отцу.

Цви: Сегодня?

Хана: Мы должны договориться об условиях нашего брака, как и полагается по традиции. Рассказать детям. Твоему отцу. Моей маме. Я была бы очень рада, если бы ты сейчас поехал со мной в Иерусалим...

Цви: Сейчас? Я не могу быть таким жестоким по отношению к ней...

Хана: Пожалуйста, Цви. Я не знаю, как это у вас принято...

Цви: *(Весьма решительно)* Это бесчеловечно – вот так убегать от любого человека...

Хана: Я не хочу возвращаться в Иерусалим одна...

Цви: Ты не должна беспокоиться. Мы все равно поженимся, даже если это займет неделю-другую.

Хана: Я не могу ждать неделю-другую...

Цви: Почему?

Хана: *(Колеблясь)* Я... Я беременна...

Цви: *(Потрясен)* Беременна?!!

Хана: Когда ты был у меня... Я забеременела... Еще немного, и все увидят мой живот...

Цви: *(Ему трудно поверить)* Ты беременна? *(Обнимает ее с большим волнением)* Поздравляю. Поздравляю. Все в порядке? Как ты себя чувствуешь? Ты совсем не выглядишь беременной...

Хана: Я чувствую себя превосходно...

Цви: Я так рад. Теперь-то я замечаю, что лицо твое чуть-чуть округлилось...

Хана: Это знак. Это знамение с неба. Мы получили его взамен ребенка, которого потеряли... *(Разражается рыданиями)*

Цви: Чего же ты плачешь, Ханеле?

Хана: Так много лет я ждала его. Я так боялась. Боялась, что ты меня не захочешь...

Цви: Не приведи Господь...

Они обнимаются. Объятие длится долго. Вдруг он разжимает свои объятия, подходит к окну, открывает его, смотрит на море. Спустя еще минуту он закрывает окно, возвращается к ней, весьма озабоченный.

Цви: Почему же ты мне не сказала?

Хана: Что я тебе не сказала?

Цви: Почему же ты не сказала мне о беременности сразу же, как только пришла?

Хана: Я собиралась сказать. Но говорили мы о другом...

Цви: Почему ты не позвонила сразу же, как только это стало тебе известно?

Хана: Я хотела быть с тобой в ту минуту, когда буду рассказывать тебе об этом. Да и какая разница?

Цви: Я рад. Я очень рад. Я только не понимаю, почему ты меня не известила...

Хана: Только месяц тому назад я почувствовала, что во мне что-то меняется. Прошло еще несколько дней, пока я сделала анализы. Я должна была понять... Должна была все обдумать...

Цви: И тогда ты решила прийти ко мне. Когда тебе стало известно, что ты беременна.

Хана: Нет. Совсем не так. Я хотела прийти к тебе сразу же после смерти мужа. После семи дней траура...

Цви: Но не пришла.

Хана: Мы были в трауре. У меня есть семья. Если бы по закону мне можно было выйти замуж...

Цви: Но ведь минуту тому назад ты сама сказала, что муж не мог исполнять свои супружеские обязанности, и поэтому ты – по религиозным законам – могла думать о замужестве сразу же после его смерти...

Хана: Верно. Но семья моя не знала. Я не хотела вызывать возмущение его сыновей. После того, как твой визит ко мне закончился так, как он закончился, не могла же я позвонить тебе и сказать, что я... *(Замолкает)*

Цви: Со дня смерти твоего мужа у тебя было целых полтора месяца, чтобы рассказать мне о твоём желании выйти за меня замуж. Но ты рассказала мне об этом только тогда, когда узнала о своей беременности...

Хана: Ну и что?

Цви: И тогда может быть, что ты позвонила мне только лишь потому, что выяснилось, что ты беременна...

Хана: С чего это ты взял...

Цви: И о чем же ты думала весь последний месяц, с тех пор, как тебе стало ясно? О чем?

Хана: Я ведь тебе сказала. И это не длилось целый месяц. Пока я сделала анализы, прошла еще неделя...

Цви: Может быть. Но не могу я избавиться от мысли, что, возможно...

Хана: Возможно – что?

Цви: Возможно, что когда ты узнала о своей беременности, то пошла в ваш раввинский суд, возможно, там ты посоветовалась с раввинами и, возможно, вы попытались решить проблему иными путями...

Хана: Какая «проблема»? Никакой проблемы нет...

Цви: Ты им не сказала о своей беременности?

Хана: Конечно же, сказала...

Цви: Возможно, именно поэтому раввины и позволили нам пожениться...

Хана: Я уже сказала тебе, почему они позволили нам пожениться.

Цви: *(Перебивая ее)* Минуточку. Ты готова родить ребенка, несмотря на то, что он... Ведь этот ребенок по сути зачат при живом муже. Такой ребенок по нашему закону называется «мамзер». И согласно тому же закону, он и дети его не смогут вступать в брак с евреями до десятого колена...

Хана: Он –не мамзер!

Цви: Как это – не мамзер? Ведь тогда, когда ты забеременела, ты еще была женой другого...

Хана: Я забеременела, будучи уже вдовой...

Цви: Вдовой?!

Хана: После похорон я выяснила в больнице точное время смерти моего мужа. Он умер за минуту до того, как ты постучался в мою дверь. И когда ты вошел, я уже была вдовой...

Цви: Он умер, и тебя не известили?

Хана: Из больницы звонили несколько раз. Но мы были заняты. *(Он молчит. Она пытается взять его за руку, но, почувствовав его сдержанность, оставляет его в покое)*. Я обращалась с

вопросами к трем уважаемым раввинам. Мнение их было единодушным... (Он не отвечает. Она продолжает с настойчивостью) Я родила бы даже в том случае, если бы нашего ребенка признали мамзером... (Он молчит)

Картина одиннадцатая

Оба они сидят и молчат. Цви закуривает сигарету. Спустя мгновение дым подбирается к Хане.

Хана: Я думаю, что дым вреден для ребеночка...

Цви: Извини (Гасит сигарету в чашке).

Хана: Я не понимаю, Цви. Ты не хочешь этого ребенка?

Цви: Конечно же, я хочу его!

Хана: Я не вижу, что ты его хочешь...

Цви: Я хочу этого ребенка. Я хочу и тебя. В мире нет ничего, чего бы я желал больше. Но я также хочу знать, почему ты мне о нем не рассказала...

Хана: Потому что я хотела, чтобы мы поженились только потому, что ты этого хочешь. Не потому, что ты должен...

Цви: Но ведь ты не рассказала о ребеночке и после того, как мы решили пожениться. Возможно, ты собиралась рассказать мне только после брачной церемонии?

Хана: Я собиралась рассказать тебе сегодня...

Цви: (С сомнением) Сегодня? Вдруг я увидел то, что до сей поры не хотел видеть. Ты не говоришь мне всей правды. Я еще не забыл, как отрицала ты тот факт, что читала все мои книги, как рассказывала мне, что твой муж пьет чай на кухне...

Хана: Я уже призналась в своей ошибке. Я уже раскаялась. Я думала, что ты уже давно простил меня. Сейчас я говорю только правду...

Цви: И на сей раз – это вся правда? Вся правда, без утайки?

Хана: Да...

Цви: *(Ему трудно поверить)* Слишком много лет прожил я с женщиной, которая не любила меня, Хана. Я хочу быть уверен, что ты выходишь за меня только потому, что хочешь меня. Не потому, что хочешь отца для своего ребенка...

Хана: *(Отчаявшись)* Я хочу только тебя, Цви... *(Он молчит. Она чувствует, что он сомневается)* Всегда хотела. Даже муж мой знал, как страдала я и мучилась по ночам из-за тебя. Он знал, почему я молилась, постилась, окуналась в микву... Сейчас, когда я вошла к тебе, я почувствовала себя так, как в день нашей свадьбы. Ты помнишь, как мы волновались? В ночь свадьбы я так боялась. Оба мы боялись. Сегодня я не боюсь. Совсем не боюсь. Я даже не буду просить тебя, чтобы в комнате было темно. Это – от обычая дожидаться ночи... только и всего... Видишь, я не стыжусь, хотя и не привычна к этому. Мой покойный муж никогда не видел меня... По сути, только ты видел меня. И я не сильно изменилась. В последний месяц, возможно, я чуть поправилась...

Цви гладит ее живот. Целует ее, слушает внимательно. Вновь пробуждается в нем сильное отцовское чувство. Он искренне рад ребенку, который должен родиться. Хана это чувствует. Она приободряется, вновь и вновь страстно его целует. Но тут у Цви возникают новые подозрения, он останавливает ее.

Цви: Одну минуту, Хана. Я все-таки хочу понять кое-что.

Хана: Что?

Цви: Сейчас и эта твоя страстность кажется мне странной. Где она была час тому назад?

Хана: Пожалуйста, Цви...

Цви: Как она проснулась именно тогда, когда я начал в ней сомневаться?

Хана: Она была здесь все время.

Цви: Я ее не заметил.

Хана: Ну, зачем же мне лицемерить?

Цви: Не стоит прикидываться наивной.

Хана: В соответствии со строгими еврейскими законами я не обязана выходить за тебя замуж...

Цви: Ты не сможешь вырастить этого ребенка без меня. Семья твоя не согласится. Все сообщество, все твое окружение предаст тебя анафеме. Будут оплевывать тебя на улице. И его тоже. В один прекрасный день какой-то из сыновей твоего покойного мужа сожжет твою квартиру...

Хана: Мне безразлично, что станут говорить окружающие, что скажет моя семья. Я могу вырастить ребенка без тебя, Цви, но я хочу, чтобы мы растили его вдвоем. Они еще в большей степени отравят мне жизнь, если я выйду за тебя замуж, но я готова снести все эти страдания...

Цви: Почему? Почему же ты готова сносить все эти страдания?

Хана: Я не знаю, почему. Быть может, я наказана за грех, которым согрешила перед тобой, разведясь. Возможно, за грехи мои перед покойным мужем, еще до его смерти. Быть может, за грех, которым согрешила я перед ребенком, забеременев им.

Цви: Что за грех совершила ты, забеременев?

Хана: Когда я забеременела им, не был наш союз освящен...

Цви: Эту беременность ты расцениваешь как грех?

Хана: Мы – не ангелы. Люди иногда грешат. Грешат, несут наказание, искупают грехи.

Цви: Поэтому ты готова вынести все эти страдания. Поэтому ты хочешь выйти за меня замуж. Чтобы искупить грех. Чтобы заслужить прощение Небес...

Хана: Двадцать лет ты ждал меня, Цви. Вот ты и получил меня. Вот у нас уже есть ребенок. Ты удостоился всего, чего жаждал. Почему же ты колеблешься?

Она в полном отчаянии. Молчание. Вдруг его охватило огромное чувство сострадания к ней. Он обнимает ее, прижимает к себе. Она отвечает ему, целует его, снимает с него рубашку. Затем она снимает свое платье, остается в шелковой рубахе. Они вновь сближаются. Вдруг он отбегаем в сторону. Видно, как он взволнован.

Цви: Я не способен понять, как ты готова лечь со мной в постель сейчас, хотя по закону тебе это запрещено...

Берет сигарету, закуривает и отходит от нее.

Хана: Но ведь это неверно. Я не запретна для тебя...

Цви: Всякая женщина запретна для мужа до свадьбы...

Хана: Существуют исключения из правил. Ведь союз наш освящен нашим соитием.

Цви: О чем это ты говоришь? С каких пор соитие освящает союз?

Хана: Даже у великого Рамбама сказано, что... *(Останавливается)* Боже праведный, Цви! Мы – всего лишь плоть и кровь...

Цви: Я не могу избавиться от чувства, что ты обманываешь меня опять.

Хана: Я не обманываю тебя. Тело не обманывает...

Цви: Но если бы ты не нашла позволения в трудах Рамбама, то не готова была бы лечь со мной в постель. Верно? Не отрицай. Если бы не получила разрешения от вашего раввинского суда, ты бы вообще не пришла сюда. Ты бы схоронила свою любовь глубоко

в самой себе, пока бы она там не умерла, пока бы ты сама не умерла...

Хана: Если бы я не получила разрешения на брак с тобой, я бы продолжала его добиваться. Я бы обивала пороги раввинов, раввинских судов, пока бы не добилась...

Цви: Но без разрешения раввинского суда ты бы не пришла. Как и моя несчастная мама. Ты порабощена своим Богом, как и она. Для тебя Он все решает. В конце концов, ты сделаешь только то, что угодно очам Его, даже ценой собственной жизни...

Хана: Он не требует от нас, чтобы мы жертвовали своими жизнями...

Цви: Он не требует?!!

Хана: Я могу и любить тебя, и вершить то, что угодно очам Его...

Цви: Мне почему-то кажется, что вершить угодное очам Его тебе хочется больше, чем любить меня!

Хана: С каких это пор Всемогущий Бог соревнуется с людьми за их любовь? С каких это пор?

Цви: Испокон веков!!

Молчание. Она начинает одеваться. Он гасит сигарету.

Цви: Я не слепой, Хана. Я вижу твою фанатичную преданность Богу. С этим фанатизмом тебе здесь не прижиться. В конце концов, ты сделаешь все, чтобы вернуть меня туда, к вам, заставишь соблюдать религиозные заповеди, чтобы ты смогла жить в этой своей фанатической преданности...

Хана: Я не прошу тебя, чтобы ты вернулся к религии, Цви. Я ничего не прошу, кроме собственного моего права верить...

Цви: Ты просишь не только права верить. Ты просишь еще и права исполнять заповеди религии. И есть немало таких заповедей, которые ты не сможешь исполнить, если я не стану исполнять их вместе с тобой. Мы не сможем даже есть из одной тарелки...

Хана: Я не стану ничего тебе навязывать. Жить мы будем здесь. Каждый будет жить по вере своей. И ты, и этот наш ребенок. И он будет жить, как захочет. Я готова, чтобы все это было записано в нашем брачном контракте.

Цви: Он еще не ребенок, Хана...

Хана: *(Настойчиво)* Конечно же, он ребенок! Что это значит «еще не ребенок»?

Цви: Ты точно знаешь, что это значит.

Хана: *(Очень взволнованно)* Что это значит «он еще не ребенок»?

Цви: И на маме Эрана я женился из-за нежелательной беременности...

Хана: Я хочу этого ребенка. Я хочу его с тех пор, как умер наш младенец...

Цви: А я хочу быть уверенным, что ты пришла ко мне не только из-за страха перед Ним *(Указывает на небо)*

Хана: Я не откажусь от этого ребенка, Цви. Я уже его чувствую. Я уже его мама. Мне тридцать семь лет. Я рожу его, выращу, воспитаю. Будь что будет...

Цви: Как ты можешь говорить, что хочешь его? С каких это пор у тебя есть собственные желания? Ведь с той минуты, как ты появилась на свет, ты исполняешь только Его желания! *(Указывает на небо)*

Хана: Я хочу этого ребенка, Цви. Я хочу его. Я!! *(Молчание. Она повязывает голову косынкой)* Чем же я похожа на твою мать, Цви? Ведь я следую желаниям своего сердца. Разве ты не видишь? Я оставляю свою семью. Свой дом. Я добралась до твоих мест, чтобы выйти за тебя замуж, родить этого ребенка...

Он молчит. Вдруг он подходит к ней, берет ее за руку.

Цви: Я готов жениться, и ты родишь нам ребенка, Хана. Я готов, чтобы мы вырастили его вместе. Но без Него (*Указывает на небо*) Я не хочу Бога в этом доме. Ни в кухне. Ни в моей спальне. Ни даже в моей могиле...

Хана: Я не понимаю, что же ты просишь, чтобы я сделала, Цви?

Цви: Тебе придется перестать верить в Него (*Указывает на небо*)

Хана: Перестать верить? Как? Человек может принять решение, что он перестает верить? Ведь ты знаешь, что моя жизнь – это моя вера. Ты ведь знаешь, что перестать верить – это перестать жить...

Цви: Я не хочу, чтобы ты впустила Его сюда. Он будет подкарауливать меня в каждом углу. Он будет дожидаться той доли секунды, когда проявится моя слабость, и тут же схватит меня за глотку. Если я капитулирую перед Ним лишь один раз, Он более не отпустит меня...

Хана: (*Подавленно*) Кто я такая, чтобы впускать сюда Владыку мира?!

Цви: Он каждую субботу будет прокрадываться сюда. В каждый праздник. Кошерной едой. Ритуальным омовением. Молитвой. Каждой мелочью религиозных законов и традиций...

Хана: Он будет во мне. Не в тебе...

Цви: Если Он будет в тебе, то Он будет и здесь. Со всеми своими раввинами. Со своими пророками. С законами... Заповеди. Воздаяние и наказание. Грядущий мир. Пришествие Мессии. В каждом твоём слове я услышу Его голос...

Хана: Я услышу Его голос, Цви. Я. Не ты...

Цви: Только, если ты откажешься от Него, я буду знать, что ты рождаешь этого ребенка по своей воле, Хана. Только, если ты откажешься от Него, я буду знать, что ты любишь меня...

Хана: (*В отчаянии*) Я не могу отказаться от Него, Цви. Я не могу. Кто я без Него? Я не могу прийти к тебе пустой. Я не могу. Если

каждый будет жить по вере своей, то как смогу я жить без веры?
Это – проявление жуткой ревности...

Цви: Ты не видишь, как Он издевается над нами? Он уже однажды разлучил нас. Теперь Он пытается вновь разлучить нас. Нет предела Его жестокости. Он отобрал у меня сына моего, а когда родится и этот ребенок, Он и его отберет у нас. Может быть, как ты говоришь, Он и умертвил нашего ребеночка двадцать лет тому назад. Этот Бог жаждет нашей крови, Хана. Гляди, сколько убивают во имя Его. Сколько умирают из-за Него. Из-за Него моя несчастная мать повесилась. И папа мой – живой труп с тех пор, как мама умерла. Если мы не изгоним Его из наших душ, то Он убьет и нас... *(Произнося этот монолог, он пытается обнять ее. Она отталкивает его и берет свою сумочку)* Останься со мной, Хана. Останься со мной. Только ты и я, и ребеночек, что во чреве утробе твоём. Пожалуйста, Хана. Останься...

Но Хана направляется к двери и выходит Цви остается один.

Конец